

НАТАЛЬЯ СТЕРКИНА

ТРОЛЛЕЙБУС ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

СУХОЙ БУКЕТ

Этого человека я уже однажды видела – он стоял на приставной лестнице и прибивал доску. В парке было безлюдно, тихо. Стук молотка напомнил детство, дачу.

– Вы голубятник?

Что-то я слишком громко. Смутилась.

– А чего? Птичек любишь?

– Да я так. Из любопытства.

– Ну, иди, иди своей дорогой, любопытная.

А потом были страшные летние грозы, и мы с матерью занавешивали окна одеялами, чтобы пугаться сверкания молний.

И вот октябрь, и я снова в парке. А на аллейке возле голубятни появился маленький блошинный рынок. Чего только люди не выносят! Вот веер, ещё вполне приличный, запонки, забавные, кстати. Какой толстяк колоритный! И скатерть вязаную так эффектно держит на растянутых руках. А вот... Ну да, тот самый, голубятник в резиновых сапогах. А предлагает он сухие букеты! Лицо у него, оказывается, совсем не старое, а как-то по-старинному красивое.

– А зачем вы их?

– А-а, любопытная. Так всё просто. Тебе вот розы дарят иногда?

– Иногда.

– И они же не всегда осыпаются, да? Засыхают. Стареют красиво. Да?

– Ну да. Мне ещё учитель рисования указывал на красоту засохших лепестков. Я много раз зарисовывала все эти изгибы-извивы.

– Ну, вот. Значит, понимаешь. А если розы никто не дарит, значит, не будет вот этого.

Фу, суёт под самый нос.

– Красоты. Воспоминаний не будет.

Чудной, не знает, что ли – чужие воспоминания не приживаются. Розы, в конце концов, можно самой себе купить и засушить.

– А мне продадите?

– Тебе так отдам. Для магии.

– Это ещё что такое?

– Сны будут навевать. Особенные. А то ты в яви-то скучаешь частенько. Так ведь, любопытная?

Вспомнила! Видела однажды, как кто-то выпустил голубей. Взмыли вверх, как пушистый шар, разделались, покружились над крышей голубятни и исчезли. Он и выпустил, конечно.

Что мы тут обсуждаем? Нелепый разговор. Но принесу домой историю.

– Бери-бери да иди. Ко мне вон покупательница спешит.

Ну, взяла. Ну, пошла. Но любопытно же, какая. Вот это да! Как из сна явилась – высокая, статная, волосы белые, высоко заколотые и чёрный бантик. И ведь покупает, правда!

Нужно опять завести привычку сохранять сухие букеты. Есть, есть в этом обаятельная магия, приятная сентиментальность, добрые отношения со временем. Ну, и к голубятне стану наведываться. Из любопытства.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Толпа внесла в вагон. Пропахнула к дверям. Припёрла. Не пошевелиться. Перед носом огромный рюкзак, слева – сумка, справа – коляска.

Поезд дёрнулся и понёсся, а двери за спиной вдруг начали медленно раздвигаться. Пахнуло холодом, плащ сзади вздулся пузырьём. Схватила рукой за рюкзак, и чуть сдвинулась вперед за ним. А ветер все тянул и тянул назад. Ухватившись за рюкзак покрепче, вылетела из подъехавшего к перрону поезда. А плащ остался – его защемили затворяющиеся задние двери.

Молодой человек, поставив рюкзак на скамейку, что-то перебирал в карманах. Остановилась рядом, дрожа, вцепившись в ремешок сумки.

Поймав взгляд, спросил – что?

– Холодно. Сквозняки.

– Что-то случилось?

– Случилось. Но вы не поверите.

– Происшествие, которого никто не заметил. Инфернальный ветерок. Ну, раз вы коснулись меня, значит, и меня коснулось... Давайте-ка вылезем на солнышко.

Послушно пошла следом.

– Меня чуть не унесло!

– Ну, это вряд ли. Тут рядом есть неплохой «Секонд». Зайдём. А то простудитесь. Плащ-то будете искать среди забытых вещей?

Шутит? Шутит!

Купила тёплый шарф, завернулась. Надо бы попрощаться и идти, но как-то всё ещё колотит, страшновато.

– Мне показалось – у вас в рюкзаке что-то шевелится.

– Да, там сидит некто.

И там, значит, некто...

– Ну, спасибо вам за поддержку... Я пойду.

Они стояли под аркой серого дома, солнце слепило, но было прохладно.

– У меня там свин. Декоративный. Красивый. Воспитанный и очень умный.

С облегчением засмеялась и всё никак не могла остановиться, повторяя: «Свин! Свин!».

– Простите, наверное, реакция.

Повернулась, пошла.

– Подождите. Я же вам верю. Со мной вот тоже однажды было: вошёл на «Третьяковке» в вагон, не обратил внимания, что все вышли, а он как понесётся. Вагоны эти, змеёй, я один. До тупика долетел и обратно. Наверное, меня обнаружили. Понять ничего не успел, вышел на ватных ногах.

Утепает? Сочувствует? Веселит.

– Ну всё-таки давайте уж познакомимся. У меня тоже день такой... Вот надо было Петрика забрать. Подруга передумала. Собирались вместе жить, свина дрессировать. А она вот передумала...

Растерялась. Неожиданно. Зачем подробности чужой личной жизни? Но имя назвала.

И он назвал.

И опять сделала попытку уйти, но вспомнила холодок этот неприятный, и опять о чём-то спросила.

А потом попросила свина показать.

– Ну не здесь же. Я рядом живу. Пойдёмте чай пить. С сухариками.

Вот, напросилась... Зачем? Неловко.

На лавочке у подъезда пожилая пара, оба в тёмных очках. Сидят неподвижно. У неё на руках маленькая собачка.

Он прошёл мимо, не поздоровавшись. Удивилась – вроде, доброжелательный такой, не ладит с ними, что ли.

– Они не настоящие.

– Кто?

Просто опешила! Застыла у лифта.

– Да-да. Ненастоящие. Хотите прикоснуться?

– Опять шутите? А вы-то настоящий? Теперь ничему не удивлюсь.

Подступили слёзы.

Пропустил её вперед, нажал пятый этаж.

К её удивлению, не открыл дверь ключом, а позвонил. Дверь отворилась, но в прихожей никого не оказалось. На кухне звякнули чашки.

Поёжилась. Хотела размотать шарф, но передумала. Как он сказал? Инфернальный холодок?

– Здесь не опасно.

Из рюкзака выскочил свин с колокольчиком на шее, милый, персикового цвета и, стуча копытцами, убежал вглубь квартиры.

Прошли на кухню. Чашки на столе. Сушки. Кто всё это поставил? Постаралась незаметно прикоснуться к чайнику. Горячий.

– Заинтригованы? Это ничего. Не всему же на свете должно находиться объяснение.

– Нет, ну что вы демонстрируете? Какой урок мне преподаёте? Зачем? Тоже мне сказка «Аленький цветочек».

– Шутка. Разыграл. Это соседи мои, конечно. Сестра моя дверь открыла. Я ей смс написал. Не заметили? Теперь всё в порядке? Грызите сушки.

– Вкусные... А про девушку и дрессировки правда?

– Неважно.

– Значит, никакой мистики...

– Жалко?

– Ну, как-то так... Да, сушки вкусные.

– С собой дам. А шарф вам идёт.

– Сохраню на память о приключении. Где, интересно, сейчас мой плащ? А вообще-то неважно.

Проводил до автобуса. На метро не решилась.

Окна горят – все дома. Пожалуй, не стоит рассказывать. Пусть будет тайна. А всё-таки, он просто стал успокаивать, придумав эти реальные скучные объяснения – смс, соседи... Нет, не так всё. Знаю, нас обоих коснулось...

ПОБЕГ С УЛИЦЫ ЛУРЬЕ

Проснулся от боли в ноге. Точнее, в пятке. Ну, если ничего не болит, пусть болит хоть что-то.

Оказывается, ночь кончилась. У меня. А она спит? Наверное. Накричалась, нарыдалась. Подольше бы. Как проснётся – вернутся горечь, досада, а с ними – надежда.

Вчера, когда ждал её, наблюдал за птицей. Птица ходила туда-сюда по крыше, от одной пальмы к другой. Интервал тридцать секунд. Ей некуда спешить. Мне тоже. Я уже приехал. Это по счёту уже день второй нашей совместной жизни. Позади – первое объятие, радость, волнение. Уже наступила обыденность. Я должен работать дома, она – в офисе. Потом встречаться, обедать... И так далее.

Мы так стремились к встрече – столько преград спалили своим желанием! И вот, оказывается, пока я смотрел на птицу, а она косилась на меня, завершился десятилетний этап моей жизни. Кончилось помешательство на этой женщине. До возвращения домой я вёл себя обычно. Валялись на песке, пили вино, смотрели на закат. А потом... Потом я сообщил, что уезжаю. Да, уезжаю. Круг пройден, я не смогу быть с ней.

Как она удивилась... Да, именно, сначала просто очень удивилась.

Покалывание в пятке странным образом помогает сосредоточиться и всё точно вспомнить.

Потом сказала... Ну, банальности, конечно, что я спятил, перегрелся, переутомился. Но я твердил своё и запикивал вещи в рюкзак.

Точно ли я не хочу вернуться к ней? Ей даже и прощать не понадобится, ведь у неё есть надежда и иллюзия понимания. Не хочу. Может быть, дело в квартире? Она тоже так подумала и всё кричала, я сменю её, сменю. Нет, квартира очень понравилась. Особенно садик, где мы сидели в первый вечер в удобных креслах и курили. Нет, отвечал я, не в квартире. В чём? В чём? Она захлёбывалась от крика. Вот говорят же – выходить из себя. Она именно выходила, выскакивала. Её так корежило... Честное слово, я видел, как каталось по полу, билось об стены что-то полупрозрачное, почти бесплотное. И одновременно я наблюдал за ней, лежащей на диване, в ярком платье, специально для меня купленном, в неудобной позе, с раскрытым перекошенным ртом.

Когда-то давно, рассматривая в музее картину «Бойня», вполуха слушал экскурсовода: выяснилось, что художника заморозили изумрудные глаза страдающего животного, насыщенный, густой цвет крови. Меня тогда слово «заморозили» покорило. А теперь я сам был заморожен страшным, безобразным и, да, очень колоритным зрелищем.

Но это я сейчас могу сравнивать, анализировать, а в тот момент просто чувствовал душевную щекотку, зуд, напряжение нервов. Азарт.

Вообще, страшновато как-то. Не знал за собой такого. Вот и пятка прошла. Не на что отвлекаться.

Жалко её? Жалко до мути, до спазмов. Вот она кричала про слез, про морок. Что же со мной случилось? Помню, всё твердил – хочу, чтобы мне стало легче! Что значили эти глупые слова? Тяжело-то мне не было...

А вот сейчас... Сейчас всплывает, выкарабкивается на берег сознания нечто очень тревожное: я стою в дверях, смотрю на неё, лежащую на полу, измученную рыданиями, и кто-то касается моего плеча. Оглянулся – увидел, как к окну двинулась прозрачная фигура. Я наблюдал, как, нервно оглядываясь, взмахивая руками, она убежала по крыше соседнего дома.

О, понятно – это моя душа сбегала от неё! Я видел.

И поэтому-то напоследок погладил её по волосам, прося прощения. Легко, бездумно.

Но стоп! Не ошибаюсь ли я?

А её-то душа куда делась? Как металась – помню, как об стены билась... А потом?

Чёрт, даже в пот бросило.

Не сбегала ли она от невозможности терпеть меня? А тогда... А тогда что же получается? Моя рванулась на поиски, вслед за ней? И взгляды кидала победные – вот тебе, вот тебе, получай! Затаял, ишь, побег с улицы Лурье, как же...

И что это вползает в окно клочком тумана? Тень птицы. А, посланница той, что выявила только-только наметившееся, самому ещё неясное. Или внушила?

А ну, пошла вон, инфернальное нечто!

ПРОТИВОГАЗ И ФАРТУК

Сначала подумал – муляж.

Пригляделся – живые. Руки выдают – кожа, форма кисти, длина пальцев.

Странное контрастное сочетание: противогаз и фартук. Впрочем, понятно. На каждой скамейке – по фигуре. Наивный рисунок на ткани и хищные окуляры, уродливый хобот.

Прислонился к парапету, хлебнул.

Взывают. Меня вызывают?

Пусто на набережной, даже собачники ещё спят. Фартуки в пол скрывают и женские ножки в балетках, и мужские в кроссовках. Тут уж безгендерно.

Ещё глоточек, что ж. Сон – то был страшноватый: разрезанный пополам живот, в прорехе – белые зубы. Пытался стянуть, соединить половинки, скрепить... Но всё распозалось под пальцами.

Сидят, не шелохнутся. Где-то подобное видел. И не во сне.

Выпьём и глинем. Во, в музее заснято. Мелкая пластика, 2-1 вв. до н.э. Глаза – лепёшки с дыркой, нос – коротенький хобот. Так рисуют инопланетян.

Это же надо, сколько веков мир цивилизовывался, цивилизовывался и вновь всё та же хтонь.

Сидят, смотря сквозь свои круглые стекла, и я смотрю на них. А что я могу-то?

Кто придумал противогаз? Знал – не знал – забыл.

И, через глоток, опять к телефону-информатору. Интересно – «очковый узел». Нравится, как звучит. А придумал ещё в девятнадцатом американец, в двадцатом – в Первую мировую – наш, Зеленский, усовершенствовал. Спасибо, крошка [viki](#).

Ну, вот и будильник. 6. И первый бегун с собакой.

Пора будить сестрицу-красавицу, сумасбродку-авторку. Вот, копала-копала и раскопала историю наших предков, живших в 1924-1934 в Зиновьевске, ныне Кропивницком, когда-то Елизаветграде, до недавнего – Кировограде. Поехала что-то уточнить. И приехала... Еле выбралась. И принеслась, прибежала, родная, на ручки к брату. Кормлю, пою, баюкаю. Вот приду, по щеке поглажу, из темноты с закрытыми глазами на солнечную террасу выведу, аккуратно, всё так аккуратноенько. Спит урывками, всё кошмары, кошмары.

Ну, по последней и...

О, свистят. Мне свистят. Что это за писульку сунули?

Пусть вызовут дроны. Сфотографируют. Пусть осветят в прессе.

Нужен резонанс.

Я вызову. Я сообщу. Я возвещу.

Разжимаю кулак – пусто. Улетел лепесток на запад. Здесь – восток. И стою я возле палисадничка с чахлой пальмой. Камни, камни, камни...

Это я, я хотел застыть в молчаливом протесте на набережной возле серой воды. Это я должен был... Оглянись, друг, ты же не в Питере. И сестрица твоя похоронена где-то кем-то.

Ну, с прибытием. Фляжка пуста. Смятая постель, задёрнутые шторы. Спать, спать...

Но что это птицы опять разорались?

Хочу в Питер, хочу в Питер...

А я здесь живу, а я здесь живу...

Ой, заткнитесь, заткнитесь. Ну, заткнитесь же!

– Твоя любовь родится сегодня. И сегодня же умрёт.

Я плачу, плачу – всё сбилось! Наваждение исчезло и мне его не вернуть, никто не станет подкидывать меня на руках, чтобы дух захватывало, никто не подразнит необъяснимым. Цыганка шепнула на ухо и пошла себе, метя длинной юбкой. Цыганка с колдовскими глазами.

Всё началось вчера. Паника набросилась и лишила здравого смысла, когда я вернулась из галерей, – на моём номере табличка 456 вместо 457! Топталась, не решаясь вставить ключ. Из игровой выскочили дети в масках – два зайца и отвратительная обезьяна, начали носиться по коридору, обезьяна коснулась меня, я отбежала к чужой двери, на которой был мой номер. Детей призвала к порядку крупная девица в шортах. Аниматор. Я стояла и прислушивалась. Тихо.

В конце коридора показалась горничная. Кинулась к ней, стала что-то сбивчиво объяснять, она спокойно поменяла таблички, усмехнулась и загрузилась со своей тележкой в лифт. Что-то в этом коридоре тайлось опасное. Кто и зачем подшутил надо мной? Открывала дверь и тряслась, да, номер мой, всё то же, только я – другая...

На галерею наткнулась случайно. Бродила по улицам, увидела афишку. Дверь открыта, вошла и сразу встретилась взглядом с цыганкой в зелёном платье. Портрет был так хорош, что, мельком осмотрев ещё три картины, перебрав безделушки на полке, вернулась к нему.

– Нравится? Золтан Ж. 1963 год. Не продаётся.

Хозяин появился неожиданно. Познакомились, разговорились. Архитектор, переехал из Будапешта на Балатон. Галерея – хобби.

– У вас мне очень нравится. И эта цыганка...

– Да, хороша хозяйка! Приходите...

И вот после завтрака вышла на пляж, вчерашнее приключение стёрлось сном. Свежо, весело. Ярмарка на озере – зонтики цветные, носки, миски, пучки трав. И тут она подкатилась... И вчерашний страх вернулся. О чём это она? Шутка? Опять шутка! Цыганские шутки.

Он стоял на крыльце, как будто ждал, отступил – с яркого солнца в полумрак – я за ним. Нет, не так – какое-то время пребывала в центре раскачивающейся призмы, прозрачной, пронизанной лучами, а потом уже оказалась перед портретом.

Вращаюсь вокруг своей оси, а давно забытая, изжитая, выплаканная, выруганная, выблеванная в истериках боль обрушивается на меня. Слезами заливаюсь, тянусь к нему – не дотягиваюсь. Почему так нужно, необходимо коснуться его руки? Тянусь, не дотягиваюсь. Падает со стола банка, разбивается, синие цветы рассыпаются по полу.

Он поднял меня.

– Перегрелась? Балатоновское солнце коварное, особенно, если ветер.

И вот лежу. Шторы задернуты. Там, над озером, солнце в дымке. И всё кончено. Просто вот раз – и кончено! И ещё, и ещё возвращаюсь назад – таблички, маски. Цыганка... Цыганка!

ТРОЛЛЕЙБУС ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

Рюкзаки, чемоданы, сумки... На остановке столпотворение. В чём дело? Троллейбус будет через семь минут, может, пешком? Вот, уже подходит. Затолкали в салон, задние всё напирают. Как бы выбраться? Духота, суета. Но нет – пихают и пихают в спину, заставляя всё дальше отходить от двери. Вдруг всё стихло. Кто-то потянул за руку, плюхнулась на сиденье. Оказалось, что всем хватило места. Странно, конечно. Рядом оказалась женщина с клеткой. Маленький разноцветный петух спокойно клевал зёрна из деревянной резной кормушки. С бокового сидения неожиданно поднялся седовласый загорелый мужчина.

– Извините, вздремнул. Переутомление. Итак, переключка.

Кажется, это заказной троллейбус, все знают, куда они едут. Надо дожидаться остановки и выйти.

– Ваш номер называют, что же вы?

Соседка доброжелательна улыбается.

– Но у меня нет никакого номера. Я по ошибке села не в тот...

– Подождите, а О-786? Где О-786?

– Это не я. Получается, что я бесплатно, зайцем. Но я сейчас выйду.

Пассажиры гудели – странно, тест прошла, всё оплатила и не пришла. А эта откуда взялась, за просто так едет?

Седой, видимо, главный, заставил всех замолчать.

– Теперь это всё равно – одно место зарезервировано. Пол женский. Гендерное равновесие не нарушено. Если мы её выкинем, не будет кворума.

– Как это «выкинете»? Я сама выйду. Я же сказала.

– Вы себя слышите? Выйдет она! Все, кто на ПМЖ, едут без остановок.

Хотела опять возразить, но махнула рукой. Троллейбус нёсся уже по шоссе, поля, поля, поля, редко-редко домики.

А как же провода, думала она вяло, непонятно, непонятно. На неё, как и на всех в салоне, навалился сон. С трудом поднялась со своего места, подошла к кабине водителя.

– Я...

В кабине сидел робот.

Кто-то положил ей руку на плечо.

Седовласый печально улыбался.

– Не повторяйте, что вы случайно.

– Да, знаю. Не бывает ничего случайного. Но всё же скажу. Я, понимаете, хотела на распродажу элитного женского белья. Всего-то две остановки. Могла бы пешком... Значит, не могла.

Седовласый пожал плечами.

– Ну, мне только любопытно, почему не пришла та, ну, номер О-786. И какая она? Очень, очень интересно! Хотя абсолютно бесполезно...